

Рязань
Издатель Ситников
2008

ББК 63.3 (2Ряз)
К60

Авторы идеи проекта Э.Н. и М.Н. Никишкины.

Авторы: А.Ф. Говоров, И.В. Грачёва, Н.А. Загрина, Г.П. Иванова,
В.М. Касаткин, И.К. Красногорская, Д.И. Кривошапка,
Т.В. Максимова, Т.В. Петрова, М.В. Сидоренко, В.А. Толстов,
В.В. Чеклуев, Т.В. Шустова, Т.П. Щеглова, Н. Эдвард, В.И. Яковлев

Автор вступительной статьи Б.В. Горбунов

К60 **Коллекционеры из рязанских усадеб:** документально-художественное издание / сост. И. Красногорская; худож. Т. Полищук. — Рязань: Издатель Ситников, 2008. — 408 с.: ил.
ISBN 978-5-902420-22-4

В очерках, составляющих настоящий сборник, рассказывается о собирателях и хранителях шедевров изобразительного искусства и их коллекциях. Часть этих коллекций в настоящее время находится в собраниях рязанских музеев. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 63.3 (2Ряз)

ISBN 978-5-902420-22-4

© Издатель Ситников, 2008

© Красногорская И.К., составление, 2008

© Группа авторов, текст, 2008

© Полищук Т.С. худ. оформление, 2008

© ГМИИ им. А.С. Пушкина, копии японских гравюр, 2008

© ГРМ, копии картин, 2008

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ ИЗ РЯЗАНСКИХ УСАДЕБ

Первая борозда

**Борис
Горбунов**

Частное собирательство, коллекционирование зародилось в России, по-видимому, с началом процессов модернизации страны, которые явно проявились в эпоху царствования Алексея Михайловича, получившего в народе прозвище Тишайший. Бурное развитие частного собирательства имело место во второй половине XVIII – начале XX века. Затем, уже в советское время, начиная с середины 1960-х годов, частное коллекционирование получило новый импульс развития.

Собирательство (коллекционирование) самых разнообразных видов и направлений представляет собой яркую страницу истории отечественной культуры. Не является исключением в этом отношении и Рязанский край. Многочисленные и разнообразные коллекции, созданные во второй половине XVIII – начале XX века представителями рязанского дворянства и купечества, обусловили сохранение несметного количества памятников искусства и старины.

Самыми ранними частными коллекциями в Рязанском крае следует, по-видимому, считать книжные собрания личных библиотек ряда рязанских иерархов второй половины XVII – первой половины XVIII века. Имеются сведения о том, что рязанские архиереи имели личные книжные собрания еще в XVI столетии.

Первым известным истории светским коллекционером из рязанцев был Николай Алексеевич Ниротморцов (1748 г. – после 1794 г.) –

полковник армии, третий по счёту предводитель дворянства Рязанского наместничества (1791–1794 гг.), до этого, в 1788–1791 гг. уездный предводитель дворянства Рязанской «округи», помещик Рязанского (село Дядьково), Касимовского (село Новоселки, Чарус тож, деревня Лубеники) и Раненбургского (деревня Липяжки) уездов. Он страстно увлекался собиранием книг и произведений живописи. Оставил после себя большое книжное собрание и коллекцию картин.

Примерно в это же время составлялась другая коллекция. Страстным собирателем старинных книг и рукописей был рязанец генерал-аудитор-лейтенант Пётр Кириллович Хлебников (1734–1777 гг.), владелец Истинско-Залипяжского железоделательного завода, игольных фабрик в сёлах Столбцы и Коленцы Пронского уезда, парусно-полотняной мануфактуры в селе Клепики Переяславль-Рязанского уезда.

Расцвет рязанского коллекционирования пришелся на XIX столетие. Именно этот период охватывают, в основном, очерки о рязанских коллекционерах и коллекциях, помещённые в этой книге. Перед читателем проходит галерея собирателей и коллекций, с яркой индивидуальностью, оригинальностью, нередко — с просветительской направленностью.

Материалы книги убедительно показывают, что каждая рязанская коллекция зарождалась, формировалась и проживала свой век строго индивидуально. Направление, состав, полнота, художественная ценность каждого собрания были обусловлены целым рядом факторов: характером и уровнем образования собирателя, его общественным положением, обстоятельствами жизни, эстетическими взглядами и пристрастиями, и, конечно же, материальными возможностями. В совокупности рязанские коллекции и собрания составляли огромный, рассредоточенный по всему Рязанскому краю музей, в котором представлены различные ценные экспонаты — предметы коллекционирования — на любой, самый изысканный вкус.

Оказывается, что вдали от столиц, в провинциальной Рязани, в уездных городах Рязанской губернии, в тиши сельских дворянских усадеб формировалось и функционировало множество замечательных в эстетическом отношении коллекций (собраний), кипела одухотворённая страсть к собирательству, в которой ярко раскрывалась потребность человека к красоте и к эстетическому осмыслению, познанию окружающего мира. Вероятно, именно это обстоятельство заставило великого И.В. Гёте воскликнуть: «Коллекционеры — счастливые люди!»

Основными центрами коллекционирования (собирательства) в провинции являлись родовые дворянские усадьбы. Не составляла исключения в этом отношении и Рязанская губерния — об этом убедительно говорят материалы книги. Большая часть очерков о рязанских коллекционерах

посвящена именно собирателям и коллекциям, которые составлялись в рязанских дворянских усадьбах.

Авторы книги приложили немало усилий, чтобы проследить жизненные пути рязанских собирателей. Ещё больше времени, труда и упорства потребовалось для того, чтобы попытаться по крупицам выявить сведения о самих коллекциях, поскольку в большинстве случаев данные о них не сохранились, а те, что имеются, разбросаны в различных источниках. И все же, учитывая неразработанность в целом темы истории рязанского коллекционирования, в первом приближении задача решена. Настоящая книга — первый и практически единственный на сегодняшний день труд, в достаточно полной степени аккумулирующий материалы о рязанских коллекциях и их собирателях. Первый, но, надеюсь, не последний. В этом убеждает, во-первых, плодотворность самой идеи собрать под одной обложкой очерки о коллекциях и коллекционерах Рязанского края. И, во-вторых, то, что эта книга является лишь первой бороздой, поднявшей начальный пласт на не вспаханном поле изучения истории рязанского коллекционирования. Ещё предстоит в этом плане огромная работа.

В настоящем издании помещены в основном лишь материалы о коллекционерах в сфере изобразительного искусства — живописи, скульптуры, рисунков, графики, гравюр, эстампов, декоративно-прикладного искусства. Но ведь были рязанцы, которые создавали и обладали замечательными собраниями книг, коллекциями монет и медалей, бон, почтовых марок, минералов и горных пород и других предметов коллекционирования. Необходимо изучить историю создания коллекций целого ряда известных рязанцев. В частности, достойна внимания история создания и функционирования коллекции древнеегипетских и восточных искусств Александра Васильевича Живаго (1860—1940 гг.). Весьма интересны разнообразные собирательские интересы семьи зарайских купцов Бахрушиных, происходящих из касимовских татар. Богатейшую коллекцию картин, гравюр, фарфора, бронзы, серебра, церковных принадлежностей принадлежало выходцу из Зарайска Михаилу Михайловичу Зайцевскому (1815—1885 гг.). Европейскую известность имела коллекция западноевропейской живописи Петра Петровича Семёнова-Тян-Шанского (1827—1914 гг.). Его сын Вениамин Петрович Семёнов-Тян-Шанский (1870—1942 гг.) собирал произведения русской живописи. Богатейшей коллекцией книг и старинных рукописей обладал зарайский купец Козьма Иванович Аверин (1799—1849 гг.). Очень представительную коллекцию по различным направлениям искусства собрал егорьевский городской голова Никифор Михайлович Бардыгин (?—1916). Огромную и представительную коллекцию монет и обширное книжное собрание имел уроженец Рязани, литератор и земский деятель

Сергей Рудольфович Минцлов (1870–1933 гг.). Произведения античного искусства, русскую живопись, графику и скульптуру на протяжении всей жизни собирал Алексей Николаевич Оленин (1763–1843 гг.) – президент Академии художеств, директор Императорской публичной библиотеки, член Государственного совета. Отпрыск известной рязанской фамилии К.И. Рюмин (1841–1889 гг.) собирал произведения западноевропейских художников и подарил 2500 предметов из своего собрания Румянцевскому лицее. На мой взгляд, отдельного очерка заслуживает рассмотрение истории коллекции Александра Ивановича Сулакадзева (1771–1830 гг.). Большое собрание портретной живописи создал зарайский уроженец генерал от кавалерии Михаил Григорьевич Хомутов (1795–1854 гг.).

Книга, несомненно, даст импульс новым исследованиям о рязанском собирательстве, будет востребована широким кругом читателей – учащимися школ, студентами, краеведами, учителями, просто любителями прекрасного, всеми, кому интересна история культурного развития Рязанского края.

ЧАСТЬ
I

Владелец исчезнувшей коллекции

Ирина Красногорская

Мой краеведческий интерес к той или иной исторической личности нередко диктуется стечением непредвиденных обстоятельств или цепью странных совпадений. Они словно указывают: вот этот

человек или событие достойны того, чтобы о них узнали потомки. Так случилось и с Иваном Васильевичем Гудовичем. Фамилия Гудович не была для меня пустым звуком: знала, что её носил один из первых рязанских наместников, генерал-губернаторов. Главы же губернии меня не интересовали — в краеведческой литературе советского периода они обычно упоминались как личности одиозные. Например, Новосильцев увековечен Некрасовым в связи с бунтом в Мурмане:

И.В. Гудович

...Скачу, как вихорь,
из Рязани,
Являюсь: бунт во всей красе,
Не пожалел я
крепкой брани —
И пали на колени все.

Кожина изобразил Боклевский на карикатурах свиньёй, разъярённым быком, палачом, держащим в одной руке секиру, а другой ухватив-

шим за волосы коленопреклонённую женщину, которая олицетворяла Рязанскую губернию.

Гудович представлялся мне одним из них — жёстким, авторитарным администратором, крепостником. И уж, конечно, не предполагала я у него никаких интеллектуальных увлечений. Карты, псовая охота — вот и всё, что могло на досуге занимать генерала.

Удивлена была несказанно, когда, просматривая присланную мне из Москвы вышедшую в 2007 году книгу А.П. Банникова и С.А. Сапожникова «Собиратели и хранители прекрасного» увидела его фамилию. Оказывается, генерал собирал западноевропейскую живопись! Можно было бы просто принять это к сведению. Но вскоре наткнулась на упоминание о нём во втором томе «Записок» Ф.Ф. Вигеля, подаренном мне более десяти лет назад ныне покойным краеведом С.В. Чугуновым. И чуть ли не в тот же день, перебирая свой небольшой краеведческий архив, уронила на пол маленький изящный конверт — тоже подарок Чугунова. Такие конвертики он делал сам для небольших фотографий. В этом оказалась фотокопия репродукции старинного портрета очень немолодого господина в парике и форменном мундире с эполетами и многими орденами. Под портретом едва читалась надпись «граф И.В. Гудович». Та же надпись была повторена рукой Чугунова на обратной стороне фотографии. Несомненно: бывший мой соавтор по двум краеведческим книгам пытался привлечь моё внимание к этому генералу, возможно, только в связи с нашим общим интересом к губернскому архитектору И.Г. Сулакадзеву, работавшему в Рязани в одно время с Гудовичем. А, может быть, Гудович заинтересовал краеведа сам по себе как незаурядная личность, военачальник, достойный встать в один ряд с очень чтимыми в нашей области генералами Скобелевыми, их предшественник. Но теперь остаётся только гадать. А вот совпадений мне показалось многовато для того, чтобы от них отмахнуться. Итак, вот что мне удалось узнать...

Иван Васильевич Гудович принадлежал к старинному дворянскому роду польского происхождения. Об этом свидетельствует и его фамилия. Она же указывает на то, что его дальний предок не относился к дворянам первого ранга: те имели фамилии, оканчивающиеся на «ский» — Глинский, Огинский, Подберезский и так далее. Фамилии же на «ич» давались оруженосцам рыцарей, их полуслугам, полунаперсникам: Богданович, Клементович, Олизаревич. Таким образом, информация, заложенная в фамилии, давала представление об эволюции рода. Однако в каждом роду есть носители и других, не передавшихся по наследству (по отцовской линии) фамилий. У Гудовичей это Гиацинт Одровонж — католический миссионер, в 1594 году причисленный к лику святых. Тремя десятилетиями раньше Гудовичи получили дворянство и в начале

XVIII века обосновались на Украине, где нашли себе службу в казачьих полках. Один из них, Василий Андреевич, стал генеральным подскарбием, позднее — тайным советником. Таким образом, за полторы сотни лет дворянства род Гудовичей не захирел, а, напротив, с годами прибавлял себе веса в обществе. Иван Васильевич и его младшие братья сделали графами, старший брат Андрей был генерал-аншефом и адъютантом императора Петра III. Родился Иван Васильевич в 1741 году. В апреле этого года состоялся суд над бывшим регентом при малолетнем императоре Иоанне VI, герцогом Бироном, фаворитом императрицы Анны Иоанновны, умершей в ноябре предыдущего года. Былые сподвижники обвинили его во многих прегрешениях, даже в государственной измене, и суд приговорил беднягу к четвертованию. К счастью герцога, мать младенца императора, ставшая правительницей при нём, Анна Леопольдовна не была жестокосердной и заменила ужасную казнь пожизненной ссылкой в Сибирь.

В ноябре этого же года произошёл дворцовый переворот, в результате которого на российском троне оказалась младшая дочь Петра I, Елизавета. Её же годовалый соперник и внучатый племянник Иоанн Антонович был арестован вместе со всем его семейством.

Но все эти грозные события происходили вдали от Малороссии, и сопровождавшие их служебные перетасовки пагубно не отразились на карьере Василия Андреевича Гудовича и благополучии его первой жены Анны Петровны, урождённой Носенко-Белецкой, радовавшихся благополучному рождению сына.

Тайный советник Василий Андреевич Гудович располагал достаточными средствами, чтобы дать сыновьям хорошее образование. Иван обучался в Кёнигсбергском и Лейпцигском университетах. (Московский университет был образован в 1755 году.) Естественно, малороссийский отрок учился в университетах не на своём родном языке. А какой же язык тогда у него был родным? Малороссийское дворянство тогда и позднее изъяснялось между собой на русском и польском, со слугами разговаривало на украинском. Преподавание в университетах велось на латыни и немецком. Так что к 18 годам, закончив образование, Иван Гудович волей-неволей стал полиглотом, вооружённым инженерными знаниями. И где было ему с наибольшей пользой применить эти знания, — как не в армии? Исполком веку лучшие розмыслы — инженеры — трудились на «оборонку». Военную службу он начал прапорщиком Инженерного корпуса, но вскоре его перевели на должность адъютанта начальника оружейной канцелярии. Им был граф Пётр Иванович Шувалов, видный государственный деятель и незаурядный инженер-изобретатель. Он, в частности, изобрёл секретную гаубицу и гаубицу «единорог», которая потом более века находилась на вооружении русской армии.

Интересно, что секретная гаубица была секретной только для своих, для противника таковой она оставалась недолго. Вот что об этом пишет в своих «записках» майор артиллерии Михаил Данилов:

«Граф... выдумал одну гоубицу... в которой было дуло не круглое, а продолговатое, подобно сжатому до половины круглому кольцу; а как оное орудие стреляло широко одной дробью, то гоубицу назвали секретною и дула никому не давали смотреть, заслоняли его медными закрывками и замыкали замком; а которые были к таковому орудию приставлены служители для стрельяния, офицеры и рядовые, оным учинена была особливая присяга, чтобы никому ни показывали секретной гоубицы дула...».

Но случилось так, что во время Семилетней войны в одном из сражений, неудачном для русских, секретные гаубицы попали к противнику. «Король прусский, — пишет Данилов, — получив оные гоубицы, приказал в Берлине, своём столичном городе, поставить на площади и открыть у них секретные дулы для вольного смотрения всех зрителей».

Интересные сведения приводит этот артиллерийский майор и относительно второй гаубицы. По его словам, авторами «единорога» были он и его прямой начальник и друг Мартынов, граф лишь одобрил не то что проект орудия, а уже один из опытных его экземпляров. «Увенчал граф своей графской короной оные «единороги», происшедшие от выдумки случайной моей с Мартыновым; по всей справедливости гораздо полезнее секретной гоубицы и ныне в армии и во флоте оказались; а в Выборгской стороне, на пробу «единорогов» и секретных гоубиц, пороху и прочих припасов великое множество было расстреляно».

Воспоминания Данилова не беспристрастны, у них с Шуваловым были распри чисто личного характера: майор стал отчимом племянника графа, не спросив у того позволения. Но даже при неприязни Данилов признаёт, что «граф был человеком замыслов великих и предприимчивый... <...>

Графский дом наполнен был тогда весь писцами, которые списывали разные от графа прожекты. Некоторые из них были к приумножению казны государственной, которой на бумаге миллионы поставлено было цифром; а другие прожекты были для собственного его графского верхнего доходу, как-то: сало ворваньё, мачтовый лес и прочее, которые на откупу во всей Архангелогородской губернии, всего умножало его доход до четырёхсот тысяч рублей (кроме жалования в год). К чести графа, недоставало только чина командовать своей дивизией, ибо его дивизия была в команде у главного командира над армией в походе против Пруссии. Граф выпросил себе позволение набрать из всех полков корпус, состоящий из тридцати тысяч человек, назвал оный корпус обсервационным, укомплектовал его новой артиллерией и поставил себя главным шефом. Поручил он в команду сей корпус генерал-аншефу Брауну, который графа

рапортовал одного, а с главной армией не соединялся и не подчинён был до самой Кистринской баталии; а какое оный корпус сделал, при той важной тогда баталии, неустройство и сметение и как его потом растасовали по полкам, я здесь о том упоминать не намерен...».

Шувалов, будучи в 1756 году пожалован в артиллерию фельдцейхмейстером, главным начальником, сделал много для её модернизации. По его инициативе было построено несколько артиллерийских заводов. Сам он владел несколькими железоделательными заводами. В то время как раз стало уделяться особое внимание металлургии, и М.В. Ломоносов своими работами готовил ей теоретическую основу. Но не только практические инженерные решения связывали этих талантливых людей — обоим заботило будущее родной страны. Общеизвестно, что Ломоносов был инициатором создания Московского университета, что ему в этом помогал И.И. Шувалов, фаворит императрицы Елизаветы, но то, что его двоюродный брат П.И. Шувалов был автором проектов экономических и финансовых реформ, разрабатывал программу деятельности российского правительства в духе просвещённого абсолютизма, как-то забывается. Виной тому, возможно, его статус генерал-фельдмаршала, который он приобрёл за год до смерти. А между тем он был больше размыслом, нежели военным.

Вот к такому противоречивому человеку, генералу средней руки (если считать его конкретные воинские заслуги, а не звания) и весьма успешному инженеру попал юный Иван Гудович в адъютанты. Служебное положение ввело его в круг придворных императрицы Елизаветы, главными фигурами в котором были её фавориты Алексей Григорьевич Разумовский и Иван Иванович Шувалов. Но и Пётр Иванович Шувалов занимал там видное место как участник дворцового переворота, один из тех, кто помогал Елизавете Петровне занять престол. По словам Данилова, современники видели в графе «в тогдaшнее время человека весьма случайного и славного». Настолько он был славен, что благоволение императрицы распространялось и на его жену: «графиня неотлучно жила при дворце, в ближайшей от государыни комнате, и находила всегда случай говорить обо всём, что хотела...».

Молодому адъютанту, чтобы упрочить своё положение в светском обществе, следовало произвести хорошее впечатление на эту влиятельную особу, что он, вероятно, и сделал, не оставив без внимания и других родственников высокопоставленных особ.

Бывая во дворце, в доме Шувалова и других знатных людей, молодой человек обращал внимание на убранство помещений, на их украшения. И не мог не заметить, что в моду входят картины, и не просто как идеальные украшения, а как символы особого достатка и избранности: стоили они очень дорого, поскольку попадали в столицу из-за рубежа, а побывать

за границей мог далеко не каждый богач. Для него самого картины — произведения искусства не представлялись новшеством: видел их не раз ещё в детстве в кабинетах и залах малороссийских помещиков и за границей в годы учёбы. Думал, что и у него в будущем семейном доме обязательно появятся картины.

Занималась приобретением картин и Елизавета Петровна. Она даже решила создать в Царском Селе картинную галерею. «Хороший вкус и большая охота до картин императрицы Елизаветы способствует покупке через живописца Грота целой галереи в Праге», — писал её современник Якоб Штелин.

Прага тогда считалась одним из основных художественных центров, где скапливались на продажу первоклассные произведения искусства. Грот отобрал для Царскосельской картинной галереи 1975 произведений искусства, кроме картин, — мелкую пластику и мебель. Среди приобретений Грота оказались полотна знаменитых мастеров, чья известность с годами увеличивалась: П. Рубенса, Д. Тенирса, Тициана, Я. Бота, А. Ван де Вельде.

«Богатые частные лица подражают вкусу императрицы, — заметил Штелин, — и составляют коллекцию картин, как-то: граф Шереметев, Шувалов, Воронцов, Разумовский».

За картинами уже не только ездят за границу, их привозят предприимчивые купцы и путешественники, а также иностранные художники и музыканты, приезжающие в Россию на заработки.

Имели картины и утилитарную ценность: служили пособиями при обучении россиян живописи. Такой вывод напрашивается при чтении объявлений, опубликованных в «Санкт-Петербургских ведомостях». Они, как и воспоминания Штелина, приводятся в книге Н. Назаровской «Антикварный рынок России XVIII — XX веков». Воспользуюсь для примера-подтверждения одним из них, напечатанным в 1758 году:

«С 17 июня по 2 июля против Кадетского корпуса будут продавать оставшиеся после умершего академического живописного мастера Гриммея вещи, а именно — живописные изрядные картины, всякие краски...».

А время между тем неумолимо приближалось к очередной смене власти: императрица старела, её отягощали болезни, которые, увы, не поддавались лечению, старели её фавориты, да и наивно было предполагать, что они останутся в чести у наследника Елизаветы Петровны. Поэтому люди предусмотрительные уже делали ставку на так называемый «малый двор» великокняжеской четы Петра Фёдоровича и Екатерины Алексеевны. Однако предусмотрительность у них была разная: одни, «близорукие», видели безусловным преемником племянника императрицы Петра

Фёдоровича, другие, «дальнозоркие», группировались вокруг Екатерины Алексеевны. Братья Гудовичи оказались среди недальновидных.

Старший, Андрей, вошёл в число приближённых Петра III не только по службе — был «его первым любимцем» и разделял с ним и досуг. Об этом свидетельствует Е.Р. Дашкова в своих «Записках»:

«Общество как в этот вечер, так почти и во все последующие состояло из двух братьев Нарышкиных с супругами, Измайлова с женой. Графини Елизаветы, Мельгунова, Гудовича, Унгерна, адъютанта императора, графини Брюс и ещё двух-трёх лиц...».

Общество было увлечено игрой, а в это время жена императора рыдала над телом Елизаветы Петровны. Та скончалась 25 декабря 1761 года, на Рождество.

В этом же году Иван Гудович поменял место службы и сделал в двадцать лет, что называется, головокружительную карьеру — был назначен адъютантом (с чином подполковника!) к принцу Голштинскому, дяде Петра Фёдоровича. Это назначение не обошлось без участия Андрея Гудовича.

Высокое звание в данном случае не предусматривало немедленного вступления новоиспечённого подполковника в какие-то военные действия. Семилетняя война подходила к концу и сулила России весьма успешный исход. Русские войска овладели Кёнигсбергом, Франкфуртом-на-Одере, Мемелем, Кольбергом, то есть балтийским побережьем Пруссии. Так что напрасно издевался непобедимый прежде полководец Фридрих II над русской секретной гаубицей — оружие оружием, но главное, в чьих оно руках. В этой же войне участвовали мужественные и терпеливые русские солдаты, руководимые такими талантливыми военачальниками, как П.С. Салтыков, А.В. Суворов, П.А. Румянцев.

Увы, надеждам россиян на то, что к России перейдёт завоёванная территория, не сбылись. Вступив на престол, Пётр III заключил с обожаемым Фридрихом перемирие, а вскоре — мир и всё вернул Пруссии, чем, конечно, вызвал недовольство прежде всего военных: семь лет из их жизни было вычеркнуто напрасно. (Это у тех, кто остался в живых, погибло же 120 тысяч.)

В начале июня 1762 года в Зимнем дворце состоялся парадный обед по случаю ратификации мирного договора с Пруссией. На обеде присутствовало 400 человек. Вероятно, был и младший Гудович. Старшему же пришлось сыграть там неблагоприятную роль посредника-почтальона между повздорившими у всех на глазах венценосных супругов. Дашкова описала и этот скандальный инцидент:

«Императрица заняла своё место посреди стола; но Пётр III сел на противоположном конце рядом с прусским министром. Он предложил под гром пушечных выстрелов с крепости выпить за здоровье импера-

торской фамилии, его величества короля Пруссии и за заключение мира. Императрица начала с тоста за императорскую фамилию. Тогда Пётр III послал дежурного генерал-адъютанта Гудовича, стоявшего за его стулом, спросить императрицу, почему она не встала с места, когда пила за здоровье императорской фамилии. Императрица ответила, что, так как императорская фамилия состоит из его величества, его сына и её самой, она не предполагала, что ей нужно было встать. Гудович сообщил её ответ императору; тот велел передать государыне, что она «дура» и что ей следовало бы знать, что к императорской фамилии принадлежат и оба его дяди, голштинские принцы; опасаясь, однако, что Гудович не передаст императрице его слов, он сам сказал их громко на весь стол».

Популярности этот поступок императору не прибавил. И если бы он был только семейной распрей, а то ведь Пётр Фёдорович ещё и готовился к войне с Данией за интересы Голштинского дома. В этой войне уж, наверное, Иван Гудович как адъютант принца Голштинского принял бы участие.

За короткое время император умудрился вооружить против себя и владельцев мануфактур, лишив их права покупать крепостных крестьян для своих производств. Эта реформа, конечно, была прогрессивной, он начал ограничивать использование крепостного труда, но радовала она только крепостных крестьян. Они даже стали ожидать для себя льгот после издания Манифеста о вольности дворянской. По нему дворянство освобождалось от обязательной 25-летней службы, избавлялось от телесных наказаний. Но эта уступка дворянству не избавила самого императора от дворцового переворота. Он правил немногим больше полугода, был смещён своею предприимчивой супругой и вскоре погиб. Теперь доподлинно известно, что его убили приверженцы Екатерины. Тогда же причиной смерти была названа геморроидическая колика.

Пострадали и приближённые императора. Старший Гудович, камергер, генерал-адъютант Петра Фёдоровича, попал в немилость, под арест, после которого вынужден был удалиться в своё поместье. «Звезда его закатилась» — как тогда говорили. Пятнадцать тысяч крестьян, подаренных ему императором, после переворота перешли в казну.

А Ивана судьба миловала. Он, хотя и побывал после переворота в опале и даже три недели находился «под строгим караулом», через короткое время опять получил повышение, стал полковником в 21 год и ему в командование передали пехотный Астраханский полк, командиром которого прежде был Суворов. Ни о какой инженерии-артиллерии речь уже не шла. Связь с нею у него окончательно оборвалась после смерти в 1762 году П.И. Шувалова. Со своим полком он отправился в Польшу, чтобы обеспечить избрание королём русского ставленника Станислава Понятовского. Несмотря на свою безусловную молодость,

Екатерина II

Пётр III

он зарекомендовал себя в Польше и как опытный дипломат, склонив на сторону Понятовского влиятельных магнатов: гетмана Ржевущкого и князя Чарторыйского. Но его дипломатические способности также, как инженерные, не получили дальнейшего развития. Гудович становится боевым командиром. Послужной список свидетельствует о воинском и дипломатическом таланте молодого человека. Одну за другой воинские подразделения под его командой одерживают победы во время 1-й русско-турецкой войны. Он проявил дальновидность и мужество под турецкою крепостью Хотин, когда в течение четырёх часов его солдаты отражали вылазку неприятеля; через месяц они вышли победителями из сражения с 10-тысячным войском у Рачевского леса. Годом позже Гудович весьма успешно осуществил со своими воинами переправу на реке Ларга. Он участвовал в известном сражении у реки Кагул, и его соратником был генерал-майор Г.А. Потёмкин. Тогда русская армия во главе с Петром Александровичем Румянцевым разгромила турецкие войска. В том же 1770 году в Чесменской бухте русская эскадра под руководством графа генерал-аншефа Алексея Григорьевича Орлова уничтожила флот противника. За что граф получил право присоединить к своей фамилии наименование Чесменский.

В честь этих блестящих побед русских войск были установлены памятники в Царском Селе. Первым недалеко от Екатерининского дворца в так называемом «Собственном садике» уже на следующий год после сражения воздвигли Кагульский обелиск (предположительно по проекту А. Ринальди). Это четырёхгранная почти десятиметровая колонна, выполненная из русского мрамора разных пород. На ней надпись: «В память победы при реке Кагуле, в Молдавии, июля 21-го дня 1770 года. Под предводительством генерала графа Петра Румянцева Российское воинство числом семнадцать тысяч обратило в бегство до реки Дуная турского витязя Галь-Бея с силою полторастотытысячною».

Почти одновременно с Кагульским обелиском было начато по проекту А. Ринальди и сооружение Чесменской колонны, но оно затянулось на семь лет. Зато колонна — истинное произведение искусства, но описывать её не буду, поскольку отношения к Гудовичу она не имеет. А вот небольшое стихотворение Пушкина приведу: для него Кагульское сражение было историей, изучаемой им в лицее, обелиск — символом отваги и жертвенности русских воинов:

Чугун кагульский, ты священ
Для русского, для друга славы —
Ты средь торжественных знамен
Упал, горящий и кровавый,
Героев севера губя...

Гудович, как и все участники сражения, подвергался смертельной опасности, но вёл во время боя себя мужественно и разумно. Не посрамил своего нового звания бригадира, и за участие в этой битве и осаде Браилова получил высочайшее благоволение — это одна из форм наград в то время, но и в прямом смысле высочайшее благоволение не покидало его за всё время службы.

На счету Гудовича освобождение Бухареста — и новое повышение. И в этом звании новые победы и орден Св. Анны.

Походы с кратковременными бивуаками не дают молодому генералу устроить свою личную жизнь. Наконец настает многолетняя передышка. В июле 1774 года подписан Кучук-Кайнарджийский мирный договор. Княжество Молдавское и Валашское получило автономию, Крымское ханство — независимость от Турции. К России перешло Черноморское побережье с крепостями Керчь, Еникале и Кинбурн. Турция предоставила России право свободно торговать на Чёрном море и пользоваться проходом через Босфор и Дарданеллы.

После окончания войны Иван Гудович получил назначение в Малороссию командовать дивизией и на второй год своей относительно оседлой жизни женился. Его избранница — дочь последнего гетмана Малороссии, крупного землевладельца, генерал-фельдмаршала Кирилла Григорьевича Разумовского. Брат фаворита (считали даже — супруга) императрицы Елизаветы, а сам бывший возлюбленный великой княгини Екатерины, ставшей императрицей Екатериной, человек очень влиятельный и очень богатый, он не выдал бы дочери «абы за кого», хотя ей и было уже 22 года — возраст для девицы на выданье по тому времени критический. Но засиделась в девках Прасковья Кирилловна не потому, что не нашлось охотников на ней жениться — не красота, так богатство привлекали к ней женихов. Разборчива, видимо, была, о браке по любви мечтала, тем более пример матери немало значил. Та обожала мужа.

Мать Прасковьи Екатерина Ивановна, в девичестве Нарышкина, приходилась внучатой племянницей царю Петру I и унаследовала от своего отца богатое состояние, одних крепостных имела 44 тысячи. Осиротела и до замужества на правах родственницы и воспитанницы некоторое время жила при императрице Елизавете Петровне. Та и выдала её замуж за Кирилла Разумовского, чтобы оборвать его связь с великой княгиней Екатериной. Неожиданно этот вынужденный брак оказался счастливым. Так что смерть жены (она прожила 42 года) для Кирилла Григорьевича стала большим несчастьем, от которого он не смог оправиться до конца своих дней, хотя и пережил её на много лет. Супруги имели одиннадцать детей. Таким образом, женившись на Прасковье, Гудович приобрёл многочисленных родственников-свойственников и среди

них свояченицу Наталью (в замужестве Загряжскую), особу при дворе известную: она была фрейлиной Елизаветы Петровны и Екатерины II. С Натальей Кирилловной Загряжской позднее, через жену, состоял в свойстве и Пушкин и с её слов записал несколько историй из придворной жизни конца XVIII века.

Наталя Кирилловна была женой дяди Натальи Пушкиной. А этот самый дядя приходился кровным братом её матери Натальи Ивановны. (Сплошные Натальи! Видимо, модным было в то время это имя.) Рассказывая анекдоты из придворной жизни, свояченица Гудовича не могла умолчать о романтическом, скорее даже курьёзном появлении на свет своей золовки Натальи Ивановны. Знал, конечно, об этом курьёзе и Гудович и не только со слов своей говорливой свояченицы. История же такая: свёкор Натальи Кирилловны Иван Загряжский в молодости, будучи гвардейцем и красавцем, оказался со своим полком в Дерпте. Там он до умопомрачения влюбился в очень юную красавицу, баронессу Ульрику Пассен и захотел взять её с собой в Россию. Девушка ничего не имела против, однако без брака на такой шаг не отважилась бы. И влюблённый Загряжский попросил у барона её руки, хотя оставил в России жену и троих детей. Его товарищи об этом знали, но молчали, захваченные романтикой ситуации, даже помогали влюблённому. Барон и Ульрика оставались в неведении, и, тем не менее, барон отказал: у жениха другая вера, у него же самого — единственная дочь, и он не в силах отпустить её так далеко. А для влюблённых отказ не стал препятствием. Ульрика переменила веру и тайно обвенчалась с Загряжским. Тот привёз её в своё подмосковное имение Ярополец, где его ждали жена и трое детей. Тут только глупенькая доверчивая девочка узнала, что он женат. Беспечный и безответственный двоежёнец ничего лучшего не мог придумать, как скрыться сразу от обеих жён, предоставив им свободу действий... Случай, в общем-то, не такой уж редкий в то время, впрочем, как и в более позднее. Только вот первая жена Загряжского Александра Степановна повела себя вопреки традиционному сценарию, то есть не излила своей ревности и обиды на соперницу, не выгнала её на большую дорогу, а как старшая сестра посочувствовала обманутой девочке. Приютила Ульрику, потом родившуюся незаконнорождённую малютку записала как свою дочь, с отчеством и фамилией отца, и воспитывала со своими детьми, не ущемляя ни в чём, даже в наследстве. Девочка эта, выросши, стала золовкой Натальи Кирилловны, свояченицы Гудовича и вошла в историю и литературу как тёща Пушкина.

Гудович был свидетелем ярких исторических событий, не считая войн: бунт Пугачёва; моровая язва, чума в Москве; гибель в Шлиссельбургской крепости несчастного Ивана Антоновича, который был убит якобы при попытке офицера Мировича освободить его; арест в Италии и смерть в Петропавловской крепости княжны Таракановой.

Н.К. Загряжская
Художник П. Соколов

Н.И. Гончарова

Молодая женщина выдавала себя за дочь Елизаветы Петровны и Алексея Григорьевича Разумовского (обоих уже не было в живых) и претендовала на престол. Это на государственном уровне, а на бытовом её сомнительный статус дочери Елизаветы означал, что она объявляла себя ещё и двоюродной сестрой детей Кирилла Григорьевича, в том числе Прасковьи Гудович. Правда, Елизавета Тараканова погибла годом раньше, чем та изменила свою девичью фамилию. Но у Гудовичей это событие, конечно, не раз обсуждалось — как одна из семейных тайн. В наши дни время от времени появляются в периодической печати материалы ещё об одной двоюродной сестре Прасковьи Кирилловны. Та якобы действительно была дочерью императрицы, таинственной монахиней одного из монастырей. П.И. Мельников (Андрей Печерский) в очерке «Княжна Тараканова и принцесса Владимирская» сообщает, что звали её Августа, она была пострижена в монахини и получила имя Досифея. И главное: в 1810 году, «когда Досифея умерла, на пышные её похороны явился в полном мундире и в андреевской ленте тогдашний главнокомандующий Москвы граф Иван Васильевич Гудович, женатый на графине Прасковье Кирилловне Разумовской, которая приходилась двоюродной сестрой усопшей. <..> Досифею похоронили... в монастыре Новоспасском, в усыпальнице рода бояр Романовых, где в XVII столетии погребались родственники царственного дома».

Удивительно, как при таком историческом антураже Иван Гудович до сих пор не стал героем приключенческого романа.

Женитьба упрочила положение Гудовича в светском обществе. Оказало на него интеллектуальное влияние и родство с Кириллом Григорьевичем, его связь с Малороссией, где оба родились, владели именьями и где прослужил Гудович с 1775 по 1783 год. Возможно, коллекционированием живописи Гудович прямо или косвенно обязан Кириллу Григорьевичу: известно, что тот собирал тоже западноевропейскую живопись. Это уже была мода времени, активно поддерживаемая императрицей и питаемая войнами.

Западноевропейская живопись (своей ещё не было) стала появляться в домах придворной знати при царе Алексее Михайловиче. Например, ни одно жизнеописание его приближённого боярина Артомона Матвеева не обходится без упоминания того, что в доме его были картины: «Боярин жил по-московски открыто и свой дом содержал на западный манер. На стенах, обтянутых позолоченными кожаными обоями, висели картины — на Руси это не было принято». Известно, что в этом доме, устроенном на западный манер, вдовый царь увидел то ли родственницу, то ли воспитанницу хозяина Наталью Нарышкину и, презрев её неродовитость (злые языки утверждали, что она даже не была дворянкой),

женился на ней. Дворянство царской невесте срочно приписали. И приписка стоила того: царица-простолюдинка родила сына. А тот сделался царём Петром I, принялся насаждать в России западный образ жизни. Картины в домах его придворных перестали вызывать неодобрительное недоумение. Его преемники развивали традицию. Даже любитель игры в солдатики Пётр Фёдорович собирал картины. «В мае 1762 года я поехал с императором Петром III на барже на голландский корабль, чтобы осмотреть большую партию картин,— вспоминал Штелин. — Из них Его Величество выбрал со мной лучшие и заплатил за 10 или 12 картин 560 рублей».

Екатерина же задалась целью создать картинную галерею.

Рядом с Зимним дворцом в 1764—1775 годах по проекту архитектора Ж.Б. Валина-Деламота было построено здание, названное Эрмитажем, что значит по-французски «уединённый уголок». В нём находился зимний сад с деревьями, цветниками и порхающими над ними птицами. В этом же здании разместились картины.

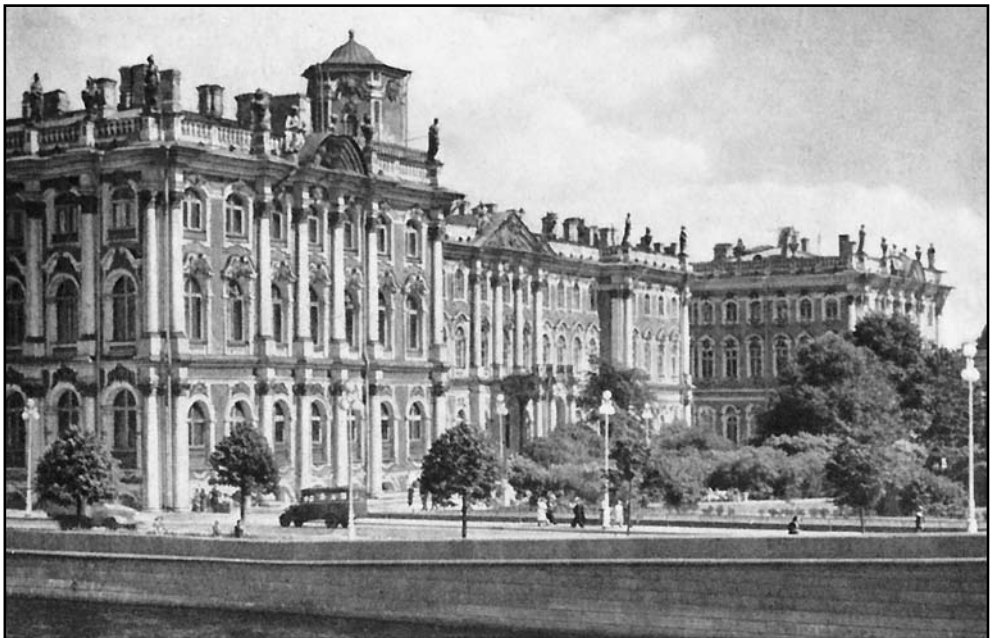
Первые 225 полотен приобрели у иностранного купца Гоцковского. Ими он погасил свой долг русскому правительству. Собрались же картины у него потому, что он, человек, разбирающийся хорошо в живописи, выполнял личный заказ прусского короля Фридриха II. Тот накануне Семилетней войны попросил Гоцковского составить коллекцию. Хорошо знающий европейский художественный рынок, купец быстро выполнил просьбу, но началась война, и Фридрих успел купить лишь несколько картин, а потом, разорившись, отказался от заказа. Гоцковский оказался без денег, но с большим количеством ценных картин, которые не так-то легко было продать. Но он нашёл умное политическое решение, как ими распорядиться: обратился в Берлине к русскому послу В.С. Долгорукому. И Екатерина приобрела коллекцию, не лично для себя, а для императорского Двора, и сделала это не столько из любви к живописи, сколько из желания досадить Фридриху, унижить его. Год приобретения этого собрания, 1764, считается годом основания известного теперь всему миру музея «Эрмитаж», хотя как публичный музей он открылся 1852 году.

Большую помощь императрице в приобретении картин оказал князь Дмитрий Алексеевич Голицын, который долгое время жил в Париже. Там благодаря князю и помогавшему ему французскому писателю и философу Дени Дидро была куплена знаменитая коллекция Пьера Кроза (1772), в которую входили картины Рафаэля, Тициана, Веронезе, Ван Дейка, Рубенса и Рембрандта.

Русский посланник в Лондоне Алексей Иванович Мусин-Пушкин имел отношение к приобретению для Эрмитажа коллекции лорда Уолпола (1779). В ней были полотна Джордано, Иорданса, Рени и Снейдеса.

Малый Эрмитаж

Зимний дворец

Близкая ко Двору знать, как и во времена Елизаветы, подражала вкусу императрицы, то есть пыталась заполучить в свои собрания работы тех же мастеров, чьи полотна оказались в Эрмитаже.

Но вряд ли у Гудовича были произведения перечисленных выше живописцев. Это уже был антиквариат, стоивший очень дорого и встречающийся редко. Наверное, он собирал произведения своих современников и не привлекал к своему увлечению дипломатов, как делала императрица. Живя в Малороссии, он общался с польскими, молдавскими, валашскими помещиками, с расторопными малороссийскими купцами, которым ничего не стоило побывать в Варшаве, Кракове, Бухаресте, Вене и Париже.

Перечислила эти города потому, что вспомнила картинную галерею Житомирского краеведческого музея, в которой когда-то, до распада СССР, побывала. С удивлением обнаружила тогда, как не похожа её экспозиция на то, что выставлено в Рязанском художественном музее: в ней, в отличие от нашего музея, оказалось много произведений польских, австрийских, французских живописцев. Однако это не хрестоматийные художники эпохи Возрождения, а те, кого искусствоведы определяют «живописец круга Паоло Веронезе» или «неизвестный художник из мастерской Питера Пауля Рубенса».

Составитель альбома галереи, вышедшего в 1982 году, В.Г. Харченко во вступительной статье объяснил, что «основная собирательская работа осуществлялась на протяжении 1919–1920-х годов, вследствие чего в музейные фонды поступило большое количество произведений преимущественно западноевропейского искусства». Естественно, эти произведения поступали из усадеб, покинутых владельцами из-за войн, Первой мировой и Гражданской.

Подобные работы могли входить и в собрание Гудовича. Что касается местных авторов, то они тогда тяготели к монументальной живописи — стенописи, в основном церковной. Так, в 1776 году «иконописным искусством внове на стенах и на сводах совершенно вся выписана и украшена» была «велика церква» — Успенский собор Киево-Печерской лавры. Расписывал в Киеве Андреевский собор будущий известный портретист Дмитрий Григорьевич Левицкий, прежде чем перебраться в Петербург. До 1788 года жил в Миргороде его коллега Владимир Лукич Боровиковский и занимался иконописью.

В общем, любителю живописи Ивану Васильевичу Гудовичу (а может быть, его супруге?) ничего не оставалось, как собирать картины иностранцев.

Перевод Гудовича в Рязань в 1785 году можно тоже считать проявлением монаршего благоволения. Он сменил на посту рязанского и

тамбовского наместника Михаила Фёдоровича Каменского, занимавшего эту должность несколько лет, генерал-поручика и тоже героя русско-турецкой войны.

Как отмечает историк П.В. Акульшин в книге «История одной губернии», «власть наместников (генерал-губернаторов) была велика, а полномочия и круг обязанностей чётко не обозначены. Фактически за свою деятельность они отвечали только перед императрицей. Будучи крупными деятелями, перегруженные множеством военных и гражданских дел на огромной территории, наместники представляли огромную власть. Всё текущее управление они оставляли в руках местных губернаторов, которым и принадлежала власть на территории губернии: они не только исполняли административные функции, но и обладали судебной властью».

При Гудовиче губернаторами в Рязани были генерал-майор А.А. Волков (1780–1788), действительный статский советник А.М. Кологривов (1788–1794), генерал-поручик И.О. Селифонтов (1794–1799). В Тамбове с 1785 по 1788 год губернаторствовал Гаврила Романович Державин. В своих «Записках» он вспоминал о несогласии с наместником, который в ущерб Тамбову принялся поднимать культуру в Рязани: «зачинил к себе требовать и брать артистов против воли губернатора и их самих в Рязань для устройства там театра и прочих увеселений, как-то машиниста, живописца и балетмейстера, которых губернатор старанием своим выписал и содержал разными вымышленными или без ущерба казны и чьей-либо тягости способами».

Надо заметить, что вопреки недовольству Державина создание в Рязани театра как раз ставится Гудовичу в заслугу и его современниками, и потомками. Сенаторы Воронцов и Нарышкин, инспектировавшие Рязанскую губернию, как достижение отмечали: «...построил деревянный корпус для театра». Историки XXI века комментировали: «инициатива его создания принадлежала генерал-губернатору И.В. Гудовичу»; «генерал-губернатор (наместник) много сделал для экономического и культурного развития Рязанского края».

В числе этого многого _____, конечно, театр, построенный в 1787 году по проекту губернского архитектора Ивана Григорьевича Сулакадзева. Театр был создан как государственное учреждение, содержался на средства Рязанского приказа общественного призрения и назывался первое время Оперным домом.

Деревянный, двухэтажный, он привлекал внимание путников, въезжавших в город со стороны Москвы. Внутри театр имел три яруса, разделённых на ложи (в середине верхнего – «раёк»), и партер. Сцена была оборудована по последнему слову техники, благодаря чему декорации менялись с волшебной скоростью, действующие лица могли летать, проваливаться сквозь землю, совершать чудесные превращения. Но ос-

вещался и отапливался театр по старинке — свечи, печи — и в пожарном отношении был помещением очень опасным. Однако при обилии в нём открытого огня всё-таки обошлось без пожаров.

Новинкой по тому времени представлялось и то, что в театре служили вольнонаёмные актёры. В провинции возникал новый тип театральной труппы, положивший начало развитию частной антрепризе. Граф А.В. Салтыков, побывавший в 1797 году проездом в Рязани, поделился впечатлениями об игре актёров: «Поднялся занавес и — блеснули прелести Воробьевской! Справедливость требует сказать, что она прекрасна: нежность лица и голос удивительны!.. Колпаков, который играл первую роль, имеет большие дарования. Остальные не стоят быть упомянутыми».

Остальных никто и не брал в расчёт: ставка делалась на премьеров. Матрёна Семёновна Воробьева (граф, видимо, искажил фамилию или актриса её облаговучила) и постоянный её партнёр Пётр Родионович Колпаков — тогдашние знаменитости, и не на каждой сцене они выступали, хотя театров тогда было мало. В конце 20-х годов XIX века Оперный дом входил в число тринадцати русских театров России, а было их с немецкими, французскими и прочими на иностранных языках всего двадцать три. Интересно, что с 1799 по 1819 год должность директора императорских театров занимал Александр Львович Нарышкин — родственник жены Гудовича.

Ещё до Гудовича с 1780 года Рязань начала застраиваться по новому «регулярному плану». При нём это строительство продолжалось. Возведением разного рода общественных зданий ведал губернский архитектор Сулакадзев. К сожалению, они почти не сохранились. Из сохранившихся строений самое известное — Редутный дом, построенный в 1785 году на средства Рязанского приказа общественного призрения.

Редутный дом, по Далю, «дом для общественного увеселения». Действительно, он служил этим целям: на втором этаже его размещалось Дворянское собрание, где развлекались губернские дворяне — танцевали, играли в карты. Однако веселились не бесплатно. «Желающие посещать эти собрания, — писал Д.Д. Солодовников, — платили приказу деньги: кто записывался на год, платили — мужчины 12 р. в год, а женщины — 6 р., а кто на год не записывался, платил по 50 коп. за вход». Выручал приказ и за карты — по рублю за одну игру. А вот на зарплату учителям не особенно приказ раскошелывался: платил учителю, преподававшему французский язык, историю, географию и фехтование, 500 рублей в год; священнику, обучавшему Закону Божию и русскому правописанию, — 50 рублей в год, столько же и учителю рисования.

В Редутном доме не только развлекались — в нижнем его этаже находился «пансионный дом» «для благородных юношей неимущих дворян».

Но не все юноши содержались в пансионе за счёт приказа, некоторые платили за полное обеспечение, кто-то жил дома и платил только за учёбу и обед. В общем, было много форм пребывания «благородных юношей» в «пансионном доме».

При Гудовиче, кроме того, открыли Главное народное училище в Рязани и малые народные училища в Зарайске, Касимове и Скопине и первую рязанскую больницу.

Здание театра существовало около полувека и почему-то было разобрано. Не уцелели и каменные кордегардии, обозначавшие въезд в город и ещё ряд интересных построек, на чертежах которых стоит подпись Сулакадзева. А отлично выполненный и подписанный им чертёж присутственных мест (это здание сохранилось, хотя и перестроено) историки архитектуры склонны считать лишь обмерочным, отказывая тем самым Сулакадзеву в авторстве. Но строилось и начало обживаться оно при Гудовиче в 1788 году. Тот решил заменить деревянные здания наместнического дома и присутственных мест каменными и возвести их вблизи кремля. Прежние здания стояли у Московской заставы, одно против другого. Строительство нового дома наместника пришлось прекратить из-за начавшейся 2-й русско-турецкой войны (1787–1791).

Гудович опять оказался в действующей армии (надо заметить, что должность наместника он совмещал с должностью инспектора армии по кавалерии и инфантерии). Командовал отдельным корпусом, который овладел замком Хаджибей и затем Килией. За эти победы он получил чин генерал-аншефа. И, оставаясь наместником, сделался начальником Кавказской линии, командовал Кубанской армией. Его войска взяли ещё один известный теперь город, а тогда крепость, Анапу. Она долго оставалась неприступной. В 1790 году русские войска под командованием Бибикова потерпели у её стен неудачу, за что Бибиков предстал перед судом. С этой неудачей, которую Потёмкин всецело приписал офицерам, связана история появления медали «За верность» на Андреевской ленте. Её получили проявившие мужество при штурме крепости солдаты. Кстати, Хаджибей с 1795 года стал называться Одессой. Но так случилось, что мало кто теперь связывает её историю с Гудовичем.

И после войны он не расстался с армией. Строил на Кавказе крепости, за что получил высшую награду империи – орден Св. Андрея Первозванного. До этого были ордена Св. Владимира 1-й степени и Св. Георгия 2-й степени.

Вернувшись в Рязань, опять вступил в полосу относительно оседлой жизни. Опять имел время, чтобы пополнять свою коллекцию. Только вот возможностей для этого было не много, далеко находилась Рязань от европейских государств. А люди просвещённые, интересующиеся

искусством в ней были. Об одном из них, архиепископе Симоне, поведал краевед Е.Н. Крупин в книге «Рождение музея». Впрочем, если судить по персонам, изображённым на принадлежавших Симону портретах, то интерес к этим произведениям был вызван не столько любовью архиепископа к живописи, сколько верноподданническими чувствами. Это «портрет великого князя Павла Петровича с надписью: “Писан с начала 20 года от рождения Его Высочества” и погрудный портрет Екатерины II, “в горностае и Андреевской цепи...”».

«Портрет великого князя Павла Петровича и погрудный портрет Екатерины II украшают сегодня собрание Рязанского художественного музея,— сообщает Крупин,— где первый портрет считается копией с полотна Ж.-Л. Вуаля, работавшего в России в 1770—1792 и 1797—1802 гг., а другой портрет приписывается кисти Александра Рослина...».

Гораздо больше, чем эти два портрета, характеризует архиепископа собрание его книг и то, как он распорядился поступить с ними после его смерти: «И как в имении моём лучшее есть и почти одно стяжание, то есть книги, то и поручаю консистории учинить всем им обстоятельный реестр... и когда я ещё жив буду, то представить мне на усмотрение, когда же кончина последует моей жизни, то поступить имеет консистория тако...».

«Лучшие и редкие издания,— пишет Крупин,— Симон велел отправить в семинарскую библиотеку, а некоторые книги просил раздать семинаристам, ежели “окажут в науках довольные успехи и постоянством в жизни надежду к исправности”».

Правда, даритель выдвинул одно условие: «Желаю для памяти убогого моего жития, чтобы доставшиеся от меня в семинарию книги были на особом реестре и в особых шкафах или полках...». Так началась в Рязани традиция жертвовать общественным библиотекам свои собрания книг.

Архиепископ Симон, губернский архитектор Сулакадзев должны были входить в круг лиц, посещавших наместника в домашней обстановке и знавших об его увлечении живописью. Видимо, под влиянием сановных рязанских коллекционеров возник ещё в отрочестве интерес к собирательству предметов русской старины и книг у сына Сулакадзева Александра. Благодаря своему увлечению он в зрелые годы получил известность. Широкая популярность пришла к нему в XX веке, когда его давно не было в живых, в связи с рукописью из его бывшего собрания «О воздушном летании в России с 906 лета по Р. Х.». В ней упоминался полёт на воздушном шаре подъячего Крякутного, якобы совершённый в 1731 году в Переяславле Рязанском (Рязани). Имя собирателя замелькало и в XXI веке, теперь уже в связи с так называемой «Велесовой книгой».

В пору же наместничества Гудовича Александр Сулакадзев был сначала отроком, зачисленным в 15 лет капралом лейб-гвардии Пре-

ображенского полка, и, возможно, играл с сыном генерал-губернатора (у Гудовича было два сына и дочь). Потом юношей он с завистью разглядывал картины в доме наместника и книги у владыки и честолюбиво мечтал превзойти в собирательстве этих могущественных людей. Но у него не было материальных возможностей, чтобы приобрести ценную вещь, вот и стали появляться в его собрании «древности» вроде камня, на котором сидел Дмитрий Донской.

А Гудович мог пополнить свою коллекцию благодаря близкому знакомству с Сулакадзевым-старшим. Как установил С.В. Чугунов, тот был соучеником по Московскому университету Дениса Ивановича Фонвизина, ставшего известным писателем, автором «Недоросля» и привилегированным чиновником в иностранной коллегии. Но эти доступные лишь избранным занятия не вызывали у Фонвизина пренебрежительного отношения к коммерции, роду деятельности, который многие дворяне считали для себя предосудительным, неприличным. Он же со спокойной совестью принялся торговать картинами и гравюрами, благо, представился для этого подходящий случай. С доставшейся от предков немецкой расчётливостью, хотя, по словам его биографа князя Вяземского, и «вырос совершенно русским человеком, в котором европейское просвещение обогатило ум, но не искоренило «отечественные» впечатления», совмещал он приятное с полезным. Из-за болезни жены оказавшись в конце семидесятых годов за границей, он посещает разные тамошние достопримечательности и сначала лишь с удивлением отмечает, что в Лионе «как за городом, так и в городе, все церкви и монастыри украшены картинами величайших мастеров. Мы везде были и часто видели то, что не выдав глазами, нельзя постигнуть воображением. Я не знаток живописи, но по получасу стаивал у картины, чтобы на неё наглядеться». Пока для него картины — лишь произведения искусства. Но это отношение меняется. Эволюцию торговца картинами Фонвизина зафиксировали его письма к родным в Россию. Во второе своё путешествие Фонвизин видит в них уже больше предмет купли. Так, в Нюрнберге он уже не простаивает перед картинами Альбрехта Дюрера, а лишь отмечает: «После обеда были мы в ратуше, украшенной картинами Альбрехта Дюрера. Он родился в здешнем городе, работал много, и, куда ни обернись, везде найдёшь его работы».

Изобразительное искусство уже интересует его с коммерческой стороны. Знакомый банкир возил его к кушшу, у которого собрались хорошие картины. И самостоятельно, без провожатого, ездил Фонвизин в мастерские художников.

«В Ниренберге много хороших живописцев и других художников, но они умирают с голоду, потому что покупать некому. Целое утро, или справедливо сказать весь день 27 августа (7 сентября), посещал я сих бедняков, лазил к ним на чердаки и много кое-чего накупил по моей ком-

Д.И. Фонвизин

Г.Р. Державин
Художник
В. Боровиковский

мерции и отправил в Петербург,— писал он сестре в 1784 году, когда уже из-за собственной болезни предпринял второе путешествие по Европе. Новым коммерческим интересам соответствует и окружение писателя:

«Я сделал визит Брентанию (банкиру. — И. К.) и с ним ездил в комедию».

«Ввечеру банкир Кнопф сделал мне визит».

«28 августа (8 сентября) поутру оба мои банкира возили меня в арсенал».

«После обеда мадам Бретани приехала к нам с двумя золотками».

И популярность его как скупщика картин росла в Нюрнберге изо дня в день, и вот ему не стало надобности лазить по чердакам — сами художники и мелкие торговцы приносили «из целого города картины на продажу». И Фонвизин мог уже ничего не приобретать только потому, что хотел развеять их представление, будто он русский богач.

В Италии было также: экскурсии по соборам и замкам, мастерские бедных художников и галереи богачей, где соседствовали полотна Тициана и Рафаэля,— и это всё он одолевал, несмотря на то, что его мучила гипертония, расстраивалась речь и отнималась рука. Одной коммерцией едва ли такую активность можно объяснить, скорее всего, писателя обуял недуг коллекционера, неутолимая жажда собирательства. И главное в этом увлечении, в этой мании — не копить шедевры, а найти их, порадоваться находке, полюбоваться, а там можно и отдать её (и неважно за деньги или просто так!). Но иностранные продавцы видели в нём лишь покупателя и готовы были обмануть, по правилам рынка. Некий маркиз пытался всучить ему подделку. Выдавал её за работу большого мастера и назначил за неё цену в тысячу червонных. Эта цена была столь значительной, что Фонвизин попросил картину взять с собой, чтобы якобы показать жене и склонить её к большой трате. Сам же показал картину эксперту. Оказалось, «что можно дать за неё червончиков пять, шесть».

Скупая картины, Фонвизин выполнял заказы своих российских клиентов. Между прочим он сообщает сестре, что не смог купить для императрицы «славный бронзовый фонтан», так как та могла заплатить 30 тысяч, а за него просили 50. Императрица была одной из постоянных его заказчиц и как-то приобрела у него 46 картин на сумму 10 635 рублей.

С Екатериной II Фонвизин был лично знаком. Познакомился благодаря протекции Григория Орлова как автор комедии «Бригадир», которую сам прочитал ей в Эрмитаже, читал превосходно, так что потом чтение повторялось у наследника престола и в домах других высокопоставленных особ. Многие из них стали позднее его клиентами, заказчиками произведений западноевропейского изобразительного искусства.

Продавал он картины и в собственном магазине, находившемся на Невском проспекте в Петербурге. Собственно продажей там ведал Герман

Клостерман. Он и стал хозяином магазина, когда Фонвизин отошёл от дел. Умер он в 1792 году, так что у Гудовича было мало времени, чтобы приобрести у драматурга картины при посредничестве Сулакадзева. Однако мог он и без Сулакадзева познакомиться с Фонвизиным ещё в молодости в Петербурге, когда того приняли в иностранную коллегию переводчиком. Молодой переводчик своими незаурядными способностями обратил на себя внимание очень многих, в том числе и самого канцлера, графа М.И. Воронцова, и тот давал ему личные задания.

Рязанский период жизни кончился у Гудовича в 1796 году. Он подал прошение об отставке, посчитав себя обойдённым по службе, после того, как граф В.А. Зубов был назначен главнокомандующим армией, которая должна была принять участие в военных действиях против Персии. Императрица отставки не приняла, посчитав, что Гудович просто переутомился, дала ему увольнение на два года и, чтобы было чем на отдыхе заняться, 1 800 крепостных крестьян в Подольской губернии. В этом же году она умерла. Для многих сановников её смерть принесла неприятные перемены. Но Гудович, пользовавшийся её благоволением, не попал в их число. Всё-таки благоволение было относительным: держала его императрица вдали от столиц, хотя и повышала раз за разом в званиях, и награждать не забывала. Старшего же его брата, Андрея Васильевича, император Павел призвал ко двору и обласкал. По свидетельству Пушкина, «первый вопрос государя графу Гудовичу: жив ли мой отец?»

Распространилось особое расположение императора и на Ивана Васильевича: в день коронавания императора он был возведён в графское достоинство и призван вновь на службу, да ещё и назначен военным губернатором в Киев, затем оказался в Каменец-Подольске, управляя Минской и Волынской губерниями и опять в качестве награды получил крепостных, аж 3 000 душ. Сделался ненадолго главнокомандующим армией, которая должна была отправиться на Рейн.

Павел принял участие в войне против Франции в союзе с Австрией и Англией, к которым примкнули Сардиния и Турция. Это была как раз та кампания, когда сухопутные войска под командованием Суворова прошли в Северную Италию, занятую французами, и совершили знаменитый переход через Альпы в Швейцарию. Однако непоследовательный в своей внешней политике Павел разорвал альянс с союзниками и заключил мир с Францией. Суворов получил приказ вернуться с войсками в Россию. Видимо, из-за несогласия с действиями императора Гудович был отставлен от службы и уехал в своё подольское имение в Малороссии. Ох, и далеко же находилось оно от Петербурга!

Но в Петербурге старого вояку не забывали. Внеочередная смена власти, убит император Павел, власть в руках его сына Александра, и

Гудович опять востребован как боевой командир. Император поручил ему командовать войсками в Грузии и Дагестане. И опять Гудовичу сопутствуют воинские успехи в сражениях с турками, и он получает новое повышение — чин генерал-фельдмаршала. Но одолевают старого вояку старость и болезни, он лишается глаза и вновь пишет прошение об отставке — и получает назначение главнокомандующим в Москву, становится членом Государственного совета, сенатором. Ему под семьдесят, за глаза его теперь именуют «престарелый». Вот об этом-то периоде его деятельности и писал Вигель:

«С 1809 года начальствовал в Москве старый фельдмаршал, граф Иван Васильевич Гудович. Выжив из лет он совершенно отдал себя в руки меньшого брата, графа Михаила Васильевича, который слыл человеком весьма корыстолюбивым. Оттого-то управление Москвою шло не лучше нынешнего: всё было продажное, всё было на откупе. <..> Надлежало непременно сменить Гудовича, и государь сделал сие с обычными ему привлекательными формами, при весьма лестном рескрипте препроводив к нему портрет свой, алмазами украшенный».

В отставку Гудовича отправили за месяц до начала войны 1812 года. А ведь опыт старого генерал-фельдмаршала мог бы пригодиться его преемникам. Но нет у меня сведений о том, где находился он во время войны, чему предавался в своей внеслужебной повседневности, кроме скорби по поводу того, что русские войска терпят поражение, и несмотря на это, надеясь на неминуемую победу.

Известно, благодаря автору «Биографий российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» Д.Н. Бантыш-Каменскому, что «маститый старец провёл спокойно последние годы многотрудной и полезной жизни в пожалованном ему императором Павлом местечке Чечельник, прежде называемом Ольгополь, занимаясь в кругу своего семейства музыкою и охотою; скончался от совершенного истощения сил в январе 1820 г. И завещал похоронить его в Киево-Софийском соборе».

О коллекции Ивана Васильевича Гудовича мне так и не удалось ничего узнать. Ольгополь же существует и теперь в Винницкой области. Тоненькая ниточка безымянного на карте Украины притока связывает его с Южным Бугом, а название с древней историей. Напоминает о княгине Ольге, отомстившей древлянам за смерть мужа и правившей княжеством до совершеннолетия своего сына Святослава.